

«ИНТЕРЕС К КОСМОСУ ПО-ПРЕЖНЕМУ ОГРОМЕН»

КАНАДСКИЙ АСТРОНАВТ КРИС ХЭДФИЛД РАССКАЗАЛ GUIDE О ТЕКУЩЕМ СОСТОЯНИИ КОСМИЧЕСКИХ ПРОГРАММ РОССИИ, США И КАНАДЫ И ТОМ, КАКИМ МОЖЕТ БЫТЬ СЛЕДУЮЩИЙ ПРОРЫВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ОСВОЕНИЯ КОСМОСА.

GUIDE: В декабре вы отправляетесь на Международную космическую станцию и станете ее первым канадским командиром. Какие у вас задачи на предстоящую шестимесячную миссию?

КРИС ХЭДФИЛД: МКС представляет собой группу научных лабораторий, так что перед нашей командой стоит задача провести все необходимые эксперименты. Их запланировано порядка 100. Мы также должны поддерживать нормальное функционирование станции, выходить в открытый космос, если это необходимо. И помимо этого следить за собственным здоровьем, в том числе психологическим. В общем следить за тем, чтобы экипаж чувствовал себя хорошо.

Г: Как получилось, что вы стали астронавтом? Что вас вдохновило на это решение?

К. Х.: 20 июля 1969 года, в день, когда два человека впервые ступили на поверхность Луны, мне было десять лет. Тогда я подумал, что профессия астронавта открывает уникальные возможности делать нечто абсолютно новое. Меня вдохновили примеры первых космонавтов и первых астронавтов. И в итоге я решил, что освоение космоса — это самое интересное, что происходит в мире.

Г: Где вы учились? Подготовка астронавта — довольно сложный процесс, а в Канаде ведь тогда еще не было космической программы.

К. Х.: Это было не просто сложно, на тот момент это было невозможно. Действительно, тогда в Канаде не было программы подготовки астронавтов, поэтому я понятия не имел, что нужно делать. Но я начал читать книги, собирать информацию о том, как тренировались космонавты и астронавты в США и СССР, что это были за люди, что они умели и какими качествами обладали. Это тоже оказалось интересно. В итоге я научился управлять самолетом, еще будучи подростком. Занимался скuba-дайвингом, учил иностранные языки и впоследствии стал инженером по проектиро-

ванию механических систем. Вообще, я учился в трех разных вузах: сначала в Королевском военном колледже Канады, потом в Университете Ватерлоо в Онтарио и затем в Университете Теннесси в США. Потом я поступил на службу в королевские воздушные силы Канады и в итоге стал летчиком-истребителем. Несколько лет стажировался на воздушно-космической базе НАСА в США, а в 1992 году был принят в Канадскую космическую программу.

Г: Сколько раз вы уже побывали в космосе?

К. Х.: Два раза. В 1995 году в рамках миссии шатла «Атлантис» я был на российской космической станции «Мир», в сборке которой принял некоторое участие. Тогда я доставил к ней модуль и стыковал его со станцией. Второй раз состоялся в 2001 году. Это была миссия шатла «Индейвор», доставившего меня уже на Международную космическую станцию, которую я тоже помог строить.

Г: Что вы почувствовали, когда впервые оказались в космосе?

К. Х.: Сложно объяснить. Я испытал невероятную смесь психологических и физиологических ощущений. Но самым главным, пожалуй, было чувство всепоглощающей радости от возможности увидеть Землю со стороны, побывать между нашим миром и Вселенной. Радость от того, что я оказался среди первопроходцев космоса, и от того, насколько моя работа важна для человечества.

Г: Что-то изменилось после того, как вы побывали в космосе? Стали по-другому смотреть на мир?

К. Х.: Фундаментально ничего не изменилось, но тот полет только усилил понимание того, что я занимаюсь правильным делом.

Г: В СССР полеты в космос становились главными событиями в жизни страны. Особенно первый полет Юрия Гагарина. Как достижения СССР воспринимались в других странах? Люди радовались или оценивали их как часть политического соревнования?

К. Х.: Когда в мире происходят события такого масштаба, как первый полет человека в космос, они всегда воспринимаются с интересом. Даже в разгар холодной войны. Я сам радовался, хотя в 1980-е годы, например, моя работа как военного летчика-истребителя заключалась в том, чтобы защищать Канаду от советских бомб. Все эти события были одновременно элементами политической борьбы и несомненными достижениями человечества.

Г: Как вы оцениваете российскую космическую программу сегодня? Многие критикуют ее за провалы последних лет. Судьба станции «Фобос-Грунт» — хороший тому пример.

К. Х.: Я считаю, что российская космическая программа великолепна. На сегодня она остается одной из лучших в мире. Ежегодно Россия запускает в космос столько же ракет, сколько все остальные космические нации вместе взятые. Иногда, конечно, не все идет по плану, бывают провалы и ошибки, но есть и невероятные достижения.

Г: В каком состоянии находятся сегодня проекты НАСА, учитывая урезание бюджета и закрытие программы шатлов в прошлом году?

К. Х.: Американская космическая программа тоже одна из лучших в мире. На ее счету огромные достижения: космические аппараты, достигшие Марса, Юпитера, Сатурна, Плутона. НАСА запустила десятки спутников, которые помогли нам лучше понять, как устроена Земля. Посмотрите на карту погоды, на карты навигаций, в том числе GPS — эту информацию удалось собрать во многом благодаря программе «Радиолокационная топографическая миссия шатла». А что касается урезания бюджетов, то нынешние сокращения не идут в сравнение с тем, что происходило в 1970-е. Тогда даже перед самой высадкой на Луну финансирование программы «Аполлон» было серьезно сокращено. Но если сосредоточивать внимание только на сокращениях бюджета, то вы упустите из виду главное. Сегодня у нас есть Международная космическая

станция, где могут жить и работать люди, причем из разных стран. Это огромное историческое достижение!

Г: А чем занимается канадская космическая программа?

К. Х.: Аналогичными вещами, но только в меньших масштабах. Мы не запускаем, например, ракеты, но мы запускаем спутники. У нас их довольно много, среди действующих сегодня — «Радарстат-1» и «Радарстат-2». Благодаря им мы получаем самую разнообразную информацию для исследований: данные о погоде, о глобальных изменениях атмосферы, о ее загрязнении и многое другое. В 1983 году в Канаде была запущена программа подготовки астронавтов, и уже через год после этого первый канадский астронавт полетел в космос. С тех пор наша программа сильно выросла. В этом году я стану первым канадским астронавтом, командующим на МКС. Для Канады это серьезная эволюция.

Г: У вас не возникает ощущения, что в последнее время интерес к космосу в целом падает?

К. Х.: Любое достижение человечества, будь то первый полет в космос или первая высадка на Луну, привлекает внимание своей новизной. Сегодня таких «первых разов» уже нет, но интерес к исследованию Вселенной и к космосу по-прежнему огромен. Исходя из своего опыта, могу сказать, что где бы я ни находился, как только люди узнают, что я астронавт, они всегда хотят со мной общаться и задают множество вопросов.

Г: Что, на ваш взгляд, станет следующим прорывом в познании космоса?

К. Х.: Главной проблемой, сдерживающей развитие и накладывающей технические ограничения сегодня, являются двигатели. Приведу пример. До изобретения реактивных двигателей винтовые моторы самолетов были крайне ненадежными и маломощными. И путешествия на самолетах не шли ни в какое сравнение с тем, что мы видим сейчас. Аналогичный прорыв необходим и для космических путешествий. Мы можем запускать роботов и спутники к другим планетам, но для того чтобы посылать к другим планетам людей, нам нужны двигатели нового поколения. На мой взгляд, они приведут к огромному прорыву.

Г: То есть пока о полете на Марс можно только мечтать?

К. Х.: Такое событие предсказать невозможно, но если посмотреть на историю освоения космоса за последние 50 лет, то можно проследить определенную логику прогресса. Сначала мы осуществили полет в космос одного человека, потом нескольких, потом достигли возможности жить длительное время на космической станции. Логическим продолжением этого развития должно стать дальнейшее изучение жизни на космической станции, проектирование новых космических кораблей. Когда это будет сделано, скажем, через 10–15 лет, может быть достигнут прогресс в борьбе с астероидами. И после этого рано или поздно можно будет говорить о миссии на Марс. Но это только мои предположения. Вообще говоря, прогресс в освоении космоса зависит от трех факторов — человеческого, технологического и политического. Когда сработают одновременно все три, тогда и будет следующий прорыв.

Беседовала ОЛЬГА ХВОСТУНОВА

20 ИЮЛЯ 1969 ГОДА, В ДЕНЬ, КОГДА ДВА ЧЕЛОВЕКА ВПЕРВЫЕ СТУПИЛИ НА ПОВЕРХНОСТЬ ЛУНЫ, МНЕ БЫЛО ДЕСЯТЬ ЛЕТ. ТОГДА Я ПОДУМАЛ, ЧТО ПРОФЕССИЯ АСТРОНАВТА ОТКРЫВАЕТ УНИКАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЕЛАТЬ НЕЧТО АБСОЛЮТНО НОВОЕ

КРИС ХЭДФИЛД: «В КОСМОСЕ Я ИСПЫТАЛ НЕВЕРОЯТНУЮ СМЕСЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОЩУЩЕНИЙ. НО САМЫМ ГЛАВНЫМ, ПОЖАЛУЙ, БЫЛО ЧУВСТВО ВСЕПОГЛОЩАЮЩЕЙ РАДОСТИ ОТ ВОЗМОЖНОСТИ УВИДЕТЬ ЗЕМЛЮ СО СТОРОНЫ, ПОБЫВАТЬ МЕЖДУ НАШИМ МИРОМ И ВСЕЛЕННОЙ.»